

— Вот не скажешь, что ты в таком восторженном настроении, — лунный свет, проникая сквозь окно, мягко ложился на лицо Цзян Дуна. Они были так близко, что Чэн Лан, открыв глаза, мог бы разглядеть поры на его коже и сосчитать длинные ресницы. — Судя по твоему выражению лица, ничего не изменилось. Может, внутри тебя маленький человечек прыгает и бьётся?

Цзян Дун усмехнулся, поправив одеяло, натянутое до груди, и сдвинул его к животу, словно ему стало жарко.

— У меня внутри живёт маленький зомби, что ли? Прыгает и скачет?

— Точно, — продолжил Чэн Лан, — у твоего маленького зомби на пороге стоит порог, и он никак не может выпрыгнуть, только стучится внутри. Поэтому ты выглядишь таким бесстрастным. Советую тебе убрать этот порог, чтобы легче было с ним сблизиться и стать живее.

В темноте Цзян Дун поднял бровь, не сердясь на серьёзный тон Чэн Лана, но с некоторой долей смирения.

— Не стану живее. Этот зомби уже больше десяти лет стучится, но так и не пробил порог. Видимо, так и будет до конца жизни.

Чэн Лан рассмеялся, перевернулся на бок и посмотрел на Цзян Дуна.

— Ты уверен, что дата рождения в твоём студенческом билете верна? Ты как ребёнок, который каждый год на день рождения чувствует, будто его наполовину закопали в землю.

— Я ребёнок, мне семнадцать, и через две недели будет восемнадцать. Зачем мне тебя обманывать? — ответил Цзян Дун.

— Ладно, — сказал Чэн Лан, — я помню твой день рождения. Пятнадцатое февраля, на следующий день после Дня святого Валентина. Я подарю тебе что-нибудь.

Цзян Дун, заинтересовавшись, спросил:

— Что подаришь?

Перед сном он чувствовал сонливость, но, как только лёг, она пропала. Теперь же, узнав о подарке, он снова оживился, и сонливость отступила.

— Не знаю, у меня ещё две недели, чтобы подумать.

— Хорошо, только не говори мне заранее, что это будет, — попросил Цзян Дун.

Чэн Лан усмехнулся.

— Тогда зачем ты спрашиваешь?

Цзян Дун тихо засмеялся, вытащил руку из-под одеяла и похлопал себя по груди.

— Просто так, маленький зомби внутри прыгает и радуется.

— Ты... — Чэн Лан зевнул. — Ты совсем не похож на ребёнка. Провёл столько времени с Сяо Маньтоу, но ни капли его милovidности и болтливости не перенял. Теперь ты как брат дедушки.

— Дедушка Чжан, — продолжил он. — Его птица умерла, и он отдал свою майну.

— Точно, теперь и у тебя есть прозвище — дедушка Цзян.

— Хватит болтать, — Цзян Дун посмотрел на Чэн Лана, затем отвел взгляд. — Ты уже еле держишься, дедушка Чэн, пора спать.

Чэн Лан уже почти погрузился в сон, но, услышав это, фыркнул и, с трудом собравшись, пожелал спокойной ночи. Через пару секунд его дыхание стало ровным.

Цзян Дун тоже хотел спать, но слова «спокойной ночи» застряли у него в горле. Он долго ворочался, пытаясь уснуть, но безуспешно. Глаза у него болели, и слёзы текли не раз. Только под утро он наконец заснул.

Утром Чэн Лан перешагнул через Цзян Дуна, который так и не проснулся.

Он чистил зубы у раковины, когда увидел, как бабушка и дедушка возвращаются с прогулки. Сплюнув воду, он сказал:

— А, вернулись?

— Конечно, утром воздух прекрасный, — ответила бабушка, расстёгивая пуховик, который Чэн Лан ей купил, чтобы показать такую же пуховую жилетку, как у дедушки. — Мы прошли мимо реки за деревней, она уже замёрзла. Вы с маленькой звездой можете покататься на льду.

— А где Маньтоу? — спросил дедушка.

Чэн Лан встал.

— Спит, не может привыкнуть к кровати. Не знаю, когда он уснул. Я его позову.

— Какой Маньтоу, вы оба просто невыносимы! — воскликнула бабушка.

Цзян Дун вышел как раз в этот момент.

Даже после того, как он протёр глаза, они всё ещё болели, и вокруг них было неприятное ощущение.

— Я тоже думаю, что это раздражает, — сказал он. — Вините моего брата, его зовут Сяо Маньтоу.

— У тебя есть брат? — удивилась бабушка. — Родной? Почему его не привезли? Он тоже маленькая звезда?

Чэн Лан уже умылся холодной водой, потому что ленился наливать горячую. Его лицо и руки побелели от холода, и он дрожал, когда говорил:

— Судя по имени, он вряд ли будет звездой. Ты же умеешь готовить паровые булочки, он как раз такой.

Дедушка кивнул.

— Это очень мило, Маньтоу. В следующий раз привези его, мы с ним поиграем.

Цзян Дун: ...

Теперь он понял, почему Чэн Лан иногда так много болтает.

Если в доме есть старики, то это как дети, а если их двое... это уже проблема.

Цзян Дун закончил умываться и собирался помочь бабушке с завтраком, но Чэн Лан остановил его.

— Ты умеешь кататься на коньках? После завтрака я тебя отведу.

Цзян Дун поднял бровь.

— На каток?

— Нет, — ответил Чэн Лан. — За деревней есть река, мы вчера мимо прошли, помнишь? За фабрикой полотенец.

Не помнил, но:

— ...На реке кататься?

— Да.

— Лёд достаточно толстый? Не боишься провалиться?

Чэн Лан улыбнулся.

— Нет, я в детстве там часто катался. Дедушка даже стоял на нём, и ничего. Увидишь сам.

После завтрака бабушка достала из ящика две пары перчаток и раздала их им, наставляя:

— Идите, идите, но к обеду возвращайтесь. Не ушибитесь. Чэн Лан ладно, но только не маленькая звезда...

— Бабушка, — с недоверием сказал Чэн Лан, — ты точно моя родная бабушка?

Бабушка подняла бровь, совсем как Чэн Лан.

— Разве ты не знаешь?

Она совсем не обратила внимания на то, что Цзян Дун стоит рядом.

Это его удивило, и он с изумлением посмотрел на бабушку.

Это совсем не та бабушка, которую он себе представлял.

Несмотря на внутреннее удивление, Цзян Дун внешне не показал этого. Он только ещё больше убедился в том, насколько крепка связь между дедушкой, бабушкой и Чэн Ланом.

Такие старики воспитали Чэн Лана.

Чэн Лан был таким необычным, как звезда, и, если у него были такие интересные дедушка и бабушка, это объясняло многое.

Когда они добрались до места, Цзян Дун понял, что эту реку скорее можно назвать ручьём.

Фабрика полотенец вдалеке выглядела так же, как и вчера, но теперь, под ярким солнцем, она была окружена тёплым сиянием. Фабрика, хоть и заброшенная, казалась огромным светящимся коконом, выглядевшим довольно оживлённо. Можно было поверить, что она ещё работает.

Цзян Дун надел вязаные перчатки, которые бабушка связала. Не знаю, совпадение ли это, но они идеально подошли по размеру.

Он обернулся и увидел, что Чэн Лан уже надел такие же серые перчатки.

Заметив его взгляд, Чэн Лан тоже повернулся.

— Что-то не так?

Почему-то, хотя перчатки были одинаковыми, на Чэн Лане они смотрелись лучше.

Его руки были белыми, и, даже в перчатках, они казались изящными и тонкими.

Цзян Дун встретился с его взглядом, но ничего не ответил, его выражение было странным. Его взгляд скользнул по чертам лица Чэн Лана, и он заметил, как прядь слегка вьющихся волос снова упала на его висок. Более того, он вспомнил о маленькой косичке на затылке.

Его профиль был идеальным, с лёгким изгибом подбородка. Лицо было чистым, и, хотя Цзян Дун встал позже, он знал, что Чэн Лан не брился.

На столе в общежитии у Ван Пэна стояли три разных бритвы, и он каждый день тратил половину времени на бритье, но всё равно не был таким чистым, как Чэн Лан.

<http://bllate.org/book/15499/1374893>